

Известия. - 1991. - 4 марта. - С. 3

Памяти Леонида Маркова

На русский театр обрушилась беда — ушел Леонид Васильевич Марков. Он сгорел за какие-то две-три недели, сгорел, как жил, — стремительно, бурно. Его страшная, огненная натура словно выбрала смерть себе под стать — здесь было немислимое неторопливое и унижительное увядание.

Он был из тех, кто не создан для старости, еще больше он страшился старения, и можно было его понять — такой темперамент, такое неистовство не могут смириться с уздой возраста, с угрозой немощи и зависимости.

То был артист огромных богатств, в чем-то, видимо, невострезбованных — он мог быть романтическим героем, мятежным, яростным, непокоренным и вместе с тем несравненным исследователем самых тайных человеческих бездн. Евгений Арбенин, Порфирий Петрович, Егор Булычев — все, что он делал, дышало мощью, жизнью и правдой.

Великий писатель однажды воскликнул: «Талант — такая это веселая и непостижимая

тайна!» Не пытаюсь постичь загадку Маркова, скажу лишь, что крупности его дара вполне соответствовала, была равна ему его человеческая значительность.

Так не всегда бывает в театре, не всегда поселяется Божья искра в душах, которые ее достойны, но на сей раз она нашла свое место.

Среди нас жил громадный русский талант, истинный большой человек, сложный, глубокий, неординарный, неблагостный, нелегкий в общении, но бесконечно притягательный. Я очень дорожил его дружбой, очень многим ему обязан — и «Питата», и «Царская охота» были ведь и его творениями.

Когда-то давно, на заре века, художник Коровин, восторженно глядя на Горького и на Шаллпина, в сердцах произнес: «Дура-природа! Создает вот этакое, а потом — в яму!».

Трудно поверить, что Маркова нет, — бессмысленно, несправедливо, неверно.

Прощай, дорогой человек, прощай.

Леонид ЗОРИН.